

Станкевич Анна Ивановна
Дворецкая Инна Андреевна
Даугавпилсский университет
e-mail: annastankevica@inbox.lv

**ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В ДИСКУРСЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПОВЕСТЬ В. ВЕРНИКА «ГОРЛИЦА»**

Аннотация: повесть Вадима Верника в латвийской руссофонной литературе является ярким образцом масскультурного текста – формульного романа. Включение широкого цитатного ряда, узнаваемых сюжетных формул максимально расширяет его потенциальную читательскую аудиторию. Важная роль в этом принадлежит текстам и реалиям советской бытовой культуры, а также характерной для советского пространства невыраженности этнической идентичности персонажей, что помогает автору создать идеализированный, бесконфликтный воображаемый мир.

Ключевые слова: национальная идентичность, массовая культура, советская культура, руссофонная литература.

Anna Stankeviča
Inna Dvorecka
Daugavpils University
e-mail: annastankevica@inbox.lv

**THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY
IN THE DISCOURSE OF SOVIET CULTURE: V. VERNIK'S STORY «THE DOVE»**

Abstract: Vadim Vernik's story in the Latvian Russophonic literature is a vivid example of a mass cultural text – a formula fiction. The inclusion of a wide range of quotations, recognisable plot formulae maximises its potential readership. The significant role in that belongs to literary texts and the realia of the Soviet everyday culture, as well as unexpressed ethnic identity of the characters, which is so typical for the Soviet space and helps the author to create the idealised, conflict-free imaginary world.

Keywords: national identity; mass culture; Soviet culture; Russophonic literature.

В силу исторического развития балтийского региона русско-латышские культурные и литературные связи отличаются многослойностью и многовекторностью. Особой сложностью обладает феномен русской литературы, созданной в Латвии. Одно из таких произведений последнего времени – повесть *Горлица* (2017) Вадима Верника. В основе художественного мира повести – история любви, вспыхнувшей между совсем ещё детьми – мальчиком и девочкой, ставшей высшим счастьем

для юноши и девушки и завершившейся, как это часто бывает в реальной жизни, трагедией. Как правило, поклонники Верника отмечают эстетическую завершенность сюжета повести, ясность и чистоту слога, высокий эмоциональный накал [6]. Повесть В. Верника чаще всего воспринимается как жизнеподобная история, вызывающая некие ассоциации с пережитым в юности. Между тем, существуют мнения, согласно которым в повести наличествует глубокий метафизический подтекст, позволяющий увидеть в написанном «роман-инициацию», «реализацию архетипа Адама и Евы» и т.д. Прочитывается эта книга и как своеобразный ностальгический текст об ушедшей эпохе, доперестроечных временах.

Думается, что некоторые неявные смыслы раскрываются, если включить художественный мир повести в ряд других культурных явлений современности. В сегодняшнем социокультурном контексте, зачастую акцентирующем проблемы и конфликты межличностной коммуникации разного уровня (поколенческого, гендерного, этнического, расового), повесть Верника можно рассматривать и как попытку противопоставить этому предельно гармоничные человеческие отношения. Повествование ведётся от первого лица, мы узнаём, что протагониста-повествователя зовут Вадимом, а вот его возлюбленная на протяжении всего повествования именуется Девочкой.

Верник избирает особый способ коммуникации с аудиторией. Уже в аннотации к повествованию автор предлагает читателю «завернуться в уютный плед» и приступить к чтению, видимо, подсознательно используя привычную, но достаточно избитую и уже дискредитированную формулу русской масс-культуры, при описании милого камерного времяпрепровождения [4]. Автор строит своеобразный знакомо-незнакомый художественный мир, обращаясь к жанру формульного романа. Идея формульности была предложена американским исследователем массовой культуры Дж. Кавелти [1], который считал, что наибольшим успехом у современного массового читателя пользуются книги, художественный мир которых строится как набор узнаваемых формул, т.е. комбинаций культурных штампов, архетипов. Формульный роман – это своего рода гибридное образование, позволяющее подкрепить уже существующие читательские интересы. Современный формульный роман при том, что он во многом вторичен, чаще всего бывает добротным, и это в полной мере относится к произведению В. Верника. Здесь уместно вспомнить термин *nobrow*, введённый в культурный обиход Дж. Сибруком [2], что в самом общем смысле означает «без иерархии», среднее между статусами *highbrow* и *lowbrow*¹.

Формульная литература наряду с обязательными любовно-эротической и чернушной (нуар) составляющими – обе тенденции реализованы в повести Верника – отличается и способом конструирования художественного мира. Формульности чужд мимесис, важнейшим инструментом является эскапизм, т.е. уход

¹ Эта характеристика массовой культуры осмыслена и русской культурой [5, с. 342].

от реальных любого рода проблем. Дж. Кавелти называл это *созданием слегка видоизмененного, воображаемого мира*. Верник переносит действие в середину 80-х годов прошлого века. Мир Балтии, выстроенный писателем, – абсолютная идеализация. В этом мире нет онтологических противоречий, нет чужих. Это мир своих, близких, родных.

В этом контексте особенно интересно решение национальной парадигмы. С одной стороны, для повести важна мультикультурная составляющая: история любви развивается в Эстонии между местной девочкой и мальчиком, который приехал на лето из Латвии, хотя родился тоже в Эстонии и носит имя русского офицера, спасшего его бабушку во время блокады Ленинграда. Позже, при описании армейской жизни, добавляются и другие народы Советского Союза – литовцы, украинцы, грузины, жители среднеазиатских союзных республик.

С другой стороны, несмотря на многонациональный состав системы персонажей повести, характерная для советского пространства невыраженность национальной идентичности снимает возможность острых конфликтов, непонимания между разными национальными группами. Национальная культурная традиция представлена поверхностно – на уровне имен и названий известных брендов (герой привозит из Латвии «Рижский бальзам», в Эстонии они с возлюбленной пьют ликер «Вана Таллинн») – и не играет никакой роли для развития основной сюжетной линии повести.

В мире повести Верника нет и других конфликтов – социальных, возрастных, гендерных. Особенности межличностной коммуникации в повести определяют две обобщающие формулы. Первая маркирует восприятие героя-рассказчика родственников девочки: «Брат был как все, симпатичный, веселый и добрый» [3, с. 116]. Вторая появляется в контексте армии: «Все-таки мне везло на хороших людей» [3, с. 203]. Опыт общения, описанный в повести, в целом позитивный. Особенно показательны, что вторая фраза сказана в связи с изображением армии. При наличии «чернушного» контекста – дедовщины, физического и морального насилия, опасной возможности попасть в Афганистан – темная сторона армейской жизни остается на периферии повествования: как правило, это происходит где-то рядом, но не с главным героем. В городе, где проходит службу Вадим, солдат любят: женщины подкармливают пирожками, девушки угощают мороженым и пишут любовные записочки. Несмотря на выматывающую физическую нагрузку, служба пошла на пользу молодым солдатам: все подтянулись, стали выносливее, энергичнее. В конечном итоге армия оказывается для героя позитивным опытом: она не ломает, а закаляет его физически и духовно, позволяет лучше понять себя.

Ярче всего идеализированность изображаемого мира проявляется в центральной – любовной линии сюжета, которая описана как светлое, всеобъемлющее чувство, раскрывающее лучшее в человеке, высшее проявление красоты

и гармонии бытия. Несмотря на трагическую развязку, само любовное чувство, возникшее между детьми, а потом крепнущее и развивающееся между молодыми людьми, не связано с чем-то темным или проблемным: это не история несчастной, неразделенной или запретной любви. Чувство растет естественно и органично, без необходимости преодоления сложных препятствий. Влюбленных поддерживают их семьи: дедушка Девочки приглашает Вадима на празднование Нового года, тем самым иницируя их встречу в юности; несмотря на ворчание и беспокойство бабушки Девочки, именно она называет пару «голубками», что развивает образный ряд заглавия повести. Друзья также принимают живое участие в развитии отношений влюбленных: устраивают свидания, передают новости, заботятся о сохранении этих отношений. Наконец, даже случайные прохожие любят красивую пару и ее любовь.

Кроме того, несмотря на подробно описанный чувственно-эротический аспект отношений, даже некоторую избыточную телесность, любовь Вадима и Девочки изображается как возвышенное и чистое чувство. Не случайно основной литературной цитатой является роман Жорж Санд, в центре которого находятся такие важные для романтизма категории, как верность, жертвенность, духовное благородство. Несмотря на откровенные эксперименты в чувственной сфере, герои обещают друг другу хранить девственность до свадьбы. Любовь к Девочке для героя-рассказчика соотносится с такими понятиями, как душа, тайна жизни, именно в любви к ней он познает себя и жизнь вообще. Поэтому одно из ключевых понятий, возникающих в разговорах с дедушкой Девочки, который является воплощением в повести архетипа мудрого старца, это инициация – испытание и посвящение, связанное с постижением скрытого смысла бытия (это поддержано мотивом алхимии в повести). Кроме того, *тайна* – ключевое слово, звучащее в разговоре случайных свидетелей важнейших моментов истории любви: оба раза это происходит на развалинах старого монастыря – первый раз во время предложения руки, второй – когда Вадим приносит туда букет из двадцати роз после гибели своей возлюбленной.

В конечном итоге даже ужасные внешние обстоятельства (групповое изнасилование и фатальная авария, в которой гибнет Девочка), глубоко травмируя героев, все же не могут уничтожить любовь. Зло – безликая темная сила, остается фактически за рамками повествования: в обоих случаях об ужасных событиях протагонисту рассказывают, он узнает о них постфактум.

В этом смысле смерть возлюбленной вполне закономерна в контексте временной модели повести: она позволяет замкнуть повествование в идеализированном прошлом, создать мир похожий, но не соприкасающийся с реальностью. В историческом аспекте показательно, что повествование останавливается на Перестройке – времени, когда начинаются кардинальные изменения в описываемом пространстве, в том числе актуализирующие национальное начало и проблемы

национальной самоидентификации. Но и эти перемены герой-рассказчик, по собственному признанию, пропустил в армии. Он отвергает и предложение вступить в «бригаду» – криминальную группировку, являющуюся знаком новой эпохи – «лихих 90-х». С наступающей новой страницей Большой истории герою оказывается «не по пути» [3, с. 206]. И то, что в финале повести звучит довоенная песня Петра Лещенко, окончательно переводит все изображенное в контекст ретро с его ностальгической меланхоличностью.

Итак, повесть Верника представляет собой яркий образец масскультурного текста – формульного романа. С этой структурной рамкой связаны варианты решения оппозиции «свой-чужой». Ориентация на зачастую избыточное количество узнаваемых массовым сознанием сюжетных формул делает текст максимально открытым для «чужого слова», что, соответственно, максимально расширяет его потенциальную читательскую аудиторию. В ряду отсылок к разнообразным культурным традициям едва ли не важнейшую роль играет упоминание реалий советской бытовой культуры с характерной для советского пространства невыраженностью этнической идентичности персонажей. С одной стороны, Верник создает мультикультурный мир: это многонациональное пространство Советского Союза 70–80-х годов, вместе с тем, национальное многообразие заявлено схематично и поверхностно. Оно бесконфликтно: национальные различия никак не влияют на межличностное общение – доминируют любовные, дружеские или конструктивные профессиональные отношения. Оппозиция «свой – чужой» снимается, на всех уровнях социокультурной парадигмы. Мир чужих, хотя и врывается в создаваемый автором идеализированный мир и играет роковую роль в судьбах героев, остается безликим и периферийным, так как не нарушает внутренней красоты изображаемых гармоничных человеческих отношений, более того, становится той чертой, которая отделяет мир повести от реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cawelti, J. *Adventure, Mystery and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture* / J. Cawelti. – Chicago : University of Chicago Press, 1977. – 344 p.
2. Seabrook, J. *Nobrow. The Culture of Marketing. The Marketing of Culture* / J. Seabrook. – N.J. : Random House, 2001. – 240 p.
3. Верник, В. *Горлица* / В. Верник. – Рига : IU «Kultūras dialogs», 2017.
4. Толстая, Т. *Язык норм* [Электронный ресурс] / Т. Толстая. – Режим доступа: <https://www.ererarta.com/ru/calendar/events/detail/e0f908e0-d379-11e7-bf67-8920284aa333/>. – Дата доступа: 01.06.2020.
5. Черняк, М.А. *Новейшая литература и вызовы массовой культуры: к вопросу о синтезе «высоких» и «низких» жанров* / М.А. Черняк // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского*. – 2014. – № 2. – С. 340–346.
6. Шаврей, А. *О чем вещает «Горлица» писателя Вадима Верника* [Электронный ресурс] / А. Шаврей. – Режим доступа: <https://rus.lsm.lv/statja/za-efirom/za-efirom/andrey-shavrey-o-chem-veschaet-gorlica-pisatelja-vadima-vernika.a254086/>. – Дата доступа: 03.02.2019.